

№ 5(41). 2020

Берега

Калининград

Поэзия

Андрей Фролов

Андрей Владимирович Фролов – родился в 1965 году в Орле. Окончил Орловский строительный техникум и Орловский государственный университет. Работал плотником, инженером, в настоящее время – руководитель орловского Дома литераторов. Автор семи книг стихотворений и сборника рассказов. Произведения публиковались в альманахах: «Поэзия», «Невский альманах», журналах: «Наши современники», «Роман-журнал. XXI век», «Простор», «Родная Ладога», «Молодая гвардия», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Берега», «Бийский вестник» и др. Лауреат всероссийских литературных премий: «Вешние воды», «Белуха» имени Г. Гребеницкого, имени Н. Гумилёва, «Ладога» имени А. Прокофьева, Южно-Уральской литературной премии. Член Союза писателей России.

До неба – полверсты...

ГЛУБИНКА

Сдвинув в сторону плетень,
Бог поставил мету
из окрестных деревень
именно на эту.

В холода двory тесней
прижимались к тыну,
отмидали по весне,
пережив годину.

Быт размерен,
у людей
вкусы простоваты:
сговорясь, в апрельский день
все белили хаты.

Дружно – вспашка,
дружно – сев,
и любой при деле.
Здесь и немцы, обрусев,
под гармошку пели.

НА ПОКОСЕ

Отава изросью умыта,
из лога выплыла заря.
Литовка шикает сердито
на неумеху-косаря.

Срываю потную рубаху –
не деревенских я корней,
но я упрям, и с каждым взмахом
строка прокоса всё ровней.

Здоровье, вроде, не воловье,
а не устал за два часа –
шепчу старинное присловье:
«Коси, коса, пока роса!»

БАБЬЕ ЛЕТО

Богом посланная милость –
тёплый солнечный денёк.
Это лето зацепилось
паутинкой за пенёк.

Продолжает труд тяжёлый
забубённая пчела.
Пацаны бегут из школы
на окраину села.

Промелькнут по косогору –
мимо пасеки, на брод.
А пескарь в такую пору
и на голый крюк берёт!

РЫБАК

С перегреву зарницами бредя,
день июльский отходит ко сну.
Напевая вполголоса, Федя,
размахнувшись, бросает блесну.

Котелок, закипая, дымится:
ох, ушица двойная густа!
Рыбы много пока в Моховице.
Федя знает такие места!..

Но не лезьте с расспросами к Феде –
пропадут понапрасну труды, –
он не слишком искусен в беседе,
любит молча сидеть у воды.

Сырость гасит его сигарету.
Федя, пристально глядя во тьму,
караулит бессонную реку...
Улыбаются звёзды ему.

* * *

Надсадно выла автострада,
горячим выхлопом дыша, –
через шоссе валило стадо,
размеренно и не спеша.

Тяжеловесны и угрюмы,
как будто спали на ходу,
коровы медленную думу
жевали, точно лебеду.

И снисходительная жалость
к людской извечной суете
в глазах косящих отражалась,
как в застоявшейся воде.

* * *

Ивану Рыжову

В деревне Коровье Болото
совсем не осталось коров,
да и от деревни всего-то –
двенадцать замшелых дворов.

Воюет старик-долгожитель
с колодезным журавлём:
– Помрём-то когда же, скажите?
Ведь всё же когда-то помрём...

Горбатятся крыши косые,
хребтами белеют плетни...
Храни, Вседержитель, Россию!
И эту деревню храни.

РОДИНА

Дойдешь до чёрного столба,
сверни направо:
твоя здесь скорбная судьба,
твоя держава.

Твой худо-бедный огород
в тени крапивы,
тебя заждались у ворот,
рыдая, ивы.

В лугах не кошена трава
четыре срока.
А мама?.. Всё ещё жива,
да одинока.

Ждёт обветшалая изба
тебя так долго.
Сверни у чёрного столба –
нет выше долга.

КУЗЬМИЧ

Картина ясная вполне:
запасы соли, спичек, мыла...
Соседка мрачно пошутила:
– Кузьмич готовится к войне...

«Кузьмич готовится к войне...»
Смешно. Он три прошёл когда-то,
и нет надёжнее солдата
ни в той, ни в этой стороне.

Ни в той, ни в этой стороне
не обходилась так судьбина
ни с кем: сперва лишила сына,
затем – поминки по жене...

Пять лет поминки по жене.
И зимы, что невыносимы.
И одиночеством гонимый,
Кузьмич бредёт, как в полусне.

Кузьмич бредёт, как в полусне,
туда, где люди, к рынку ОРСа.
А как не купишь, коль припёрся,
то, что доступно по цене?

А что доступно по цене?
Конечно, спички, соль и мыло...
Кузьмич соседке, что шутила,
отдаст всё это по весне.

СТРОЙКА

Домишко скромный –
 стена в кирпич –
 полгода строил
 старик Кузьмич.
 Село ворчал:
 не тот, мол, пыл,
 у Кузьмича, мол,
 не хватит сил,
 ровесник века –
 не совладать...
 Кузьмич кумекал,
 где тёс достать.
 Залил фундамент
 и начал класть
 на камень камень,
 перекрестясь.
 Стропила, кровля –
 не на авось.
 Забил к Покрову
 последний гвоздь.
 Приладил двери
 и вытер пот:
 – Ну, кто не верил?
 Смотрите – вот...
 Присел в сторонке
 и вдруг... чихнул.
 Как о приёмке
 акт подмахнул.

БЫЛИНЫ

Селеньице Былины.
 Ухабы да бугры.
 Здесь больше половины –
 бесхозные двory.

Давно деревню эту
 метлой житейских вьюг
 развеяло по свету,
 не тронув лишь старух.

Куда пойдёшь от дома,
 в котором прожил век,
 где тишина знакома,
 как близкий человек?

Не гаснут в хатах свечи,
 блюдутся все посты.
 До города – далече,
 до неба – полверсты.

СВАДЬБА

На два дома поделено счастье:
 невзирая на серенький дождь,
 шумно, весело едет венчаться
 из обеих семей молодёжь!

Чинны сваты, задиристы сватьи,
 Поцелуи – по-русски, взасос,
 на невесте шикарное платье,
 море радости, толика слёз!..

Всё путём, по обычаям древним:
 пир горой...
 Да ведь речь не о том.
 В этой, Богом забытой, деревне,
 почитай, уже есть третий дом!

КОСТОМАРОВКА

Между городом и селом
 свой особый блюдет уклад.
 Говорят, что идёт на слом –
 тридцать лет уже говорят.

Но всё так же сады цветут,
 так же горло дерёт петух,
 тот же крепкий в домах уют
 и ванильный на Пасху дух.

Всяко горе здесь не беда –
 по-крестьянски народец прост,
 но усопших несут всегда
 на большой городской погост.

ДОРОГА

Не покидай, судьба, дорогу,
 где каждый камешек знаком,
 которой – к другу, к слову, к Богу –
 шагаю с тощим рюкзаком;
 где обочь – яблони да вишни,
 где зыбок полог тишины,
 где незатейливые вирши
 мои кому-то да нужны.
 Пускай над ней теснятся ветры,
 пусть я усталый и в пыли,
 её хромые километры,
 доколе можно, дли и дли.
 Не верь досужему совету –
 мол, есть и лучшая тропа,
 не покидай дорогу эту,
 моя строптивая судьба.